

В каждой группе идут разговоры. Если чей-нибудь рассказ делается интересным, умолкает барак и начинает слушать все. Бывает, что и весь барак гудит и шумит в спорах. Сегодня, в одной из групп, кто-то, прибирая посуду после ужина, воскликнул:

-Эх!...кондер, да кондер!...будану бы хорошего, с „адамом“, с свежим каймаком, поесть бы...

-Да что так твой будан - отвечал ему другой - вот чай калмыцкого, из настоящего кирпичного чая, с лавровыми листьями или мускатным орехом, со вabiтым каймаком или свежим коровьим, белым маслом, да с горячими борщиками - это еда, попил бы чашек десять, ничего лучше этого не может быть, - заговорил бывший хурульный манжик Харайка.

-А я больше всего крошенку, из жирных бараньих внутренностей, сваренных с кровью в требухе, с луком и небольшим соусом из бульона лябля - отозвался кто-то из угла и добавил уже по-русски: „Никакой там жарнь жарнь не нужно“.

-А молодой, холодный жеребеночек, накрошенный с немногими внутренностями, калыганчиком и мозгом, или головная, сырая конина с языком и мозгом?...тоже очень вкусно бывает - проговорил старик Бартук, подбрасывая в печку полено.

-Ну, а я булмак на вишнях и свежих аметанах лябля больше всего - вставил самый молодой работник, пятнадцатилетний Шокур.

Тема разговора заняла всех. Каждый начал говорить про свое любимое блюдо и хвалить его.

-А жирную, соленую конину, свареную в „бозо“ или ребро с салником заупенное в кишке, предварительно дернув чашечку горячей раки...начал было кто-то расписывать, но ему не дали окончить.

-Нет, нет, раку я лябля только холодную; поработаешь, бывало, летом на току, придешь домой, а жена покойная, царство ей безгрешных, принесет из цогреба холодную, аж вспотеешь бутылку и нальет большую чашу; потянешь - ни вкуса, ни запаха, а через минуту холодный, облегчающий пот так и потечет...

-А после этого горячей, сушеной баранины, свареной в небольшом соусе, бывает очень хорошо, - перебил и поддержал говорящего другой.

-Сотник, а сотник!...что же вы молчите, вы ничего не хотели бы испробовать? - крикнул один из говоривших, обращаясь к веселому балагуру, офицеру-калмыку, Морсущу Сорнушкину, который каждый вечер чем-нибудь да смешил публику.

-Да...много вкусных вещей пришлось попробовать мне за мою долгую жизнь - начал сотник, не заставляя себя ждать. Пробовал я кухню русскую, калмыцкую, татарскую, турецкую, знавал разные блюда французские, английские, а теперь и болгарские пришлось узнать, но ел я одно блюдо, которое не относится к кухне какого либо народа, а вкуснее его никто из вас не кушал, даже может никто на свете, кроме меня его не кушал. Если скажу, что за блюдо, то не поверите и станете смеяться...

-Да что это за кушанье?!..

-Не скажу, только насмех подымете...

-Ну, скажите, может кто ел, а если не ел, так, может, когда придется попробовать, тогда вас вспомнит...

-Телячьи яйца!...сказал сотник и весь барак грохнул от смеха. Такой дружный поднялся хохот, что даже картежники приостановили игру и стали спрашивать в чем дело, а задремавшие проснулись и начали протестовать против такого шума. Кашель, смех, то сдерживаемый, то снова разрастающийся долго продолжался после сотникового вкусного блюда. Наконец смех прекратился и сотник, ожидавший этого, начал доказывать:

-Да что вы, дураки, возрадовались? Уверю вас, что это безподобно вкусная вещь...веснов, когда холостят телят-бирьчков, берут вырезанные части и сейчас же кладут в кумыс или кислое молоко. Если положили утром, так оно дол-

жно простоять до обеда, потом выпивают, промывают, а потом разрезают на половинки, как огурец, обваливают в муке, посыпают солью и жарят на коровьем масле, еще лучше если на сметанах. Получается нечто непередаваемое. Я не знаю, с каким блюдом можно бы его сравнить; ничего подобного по вкусу и нежности никогда я не находил ни в каких ресторанах...

-Гм... интересное дело, никогда не приходило в голову жарить эти вырезанные части телят, а похолостил я их, за свою жизнь, очень много - проговорил молчаливый старик Бартук.

-Вкусно не вкусно, а должно быть очень полезное это кушанье; вы, сотник, много раз кушали это блюдо? - спросил серьезным тоном молодой шутник Баглаш.

-Лет пять подряд, каждую весну, дня по два-три...

-Ну вот видите, так и есть, теперь я знаю почему вы такой бабник - заключил Баглаш и опять весь барак стал дрожать от смеха.

-Э!... говорил вам, что не поверите, чорт с вами, вам разве что докажешь - вы ругался сотник, начиная делать постель.

Шум постепенно затихал. Барак засыпал. Только игроки продолжали играть.

-Чудаки вы господа, чудаки; весь вечер проговорили и все про еду, да что вы, свиньи, что-ли? А про то, что важнее и нужнее всего в нашем положении, никто ни чего не сказал... Женщину мне надо, женщину! Раздел бы ее пухленькую, да тепленькую и шасть к ней под одеяло и забыл бы все на свете, а то про еду! Что еда? есть хлеб, соль и вода, остальное для молодого, здорового человека - ерунда!... Эх!... весь месячный заработок бы отдал за одну ночь, - со вздохом проговорил тридцатилетний холостяк Дуди, сладко потягиваясь на постели.

Умолкавший барак снова ожил, начали там и здесь откликаться; была затронута любимая тема для молодых холостяков, каковых в бараке было громадное большинство.

-Вот господа задача: давайте определим, чья баба, из живущих в у нас в Софии, красивее всех - предложил Манджик, любитель разговоров про женщин.

-Я думаю, что Намсака - самая красивая - сказал один.

-Нет, она хотя красивенькая, но все таки уступает Кантри - отвечал ему кто-то из дальнего угла.

-Мне кажется и Какуш не уступает Кантри, обратите внимание на ее взгляд, посмотрит на человека - как будто суконочкой по телу проведет, а Кантри, действительно красавица, но взгляд у нее, очень уж, какой-то безжизненный...

-И Кермя очень симпатичная бабенка, у нее очень правильное лицо, а пара золотых зубчиков очень к ней идут...

-Но она черненькая, словно жучок и худовата; баба хороша, когда она беломыса и налита, когда все у нее дрожит при походке - разноглаголил еще кто-то из другого угла в темноте.

Но, так как мужа разбираемых женщин все почти были здесь же, в подробный разбор, так сказать, по костям, не вступали.

-Ничерта вы не понимаете - заговорил, наконец, молчаливый до сих пор сотник, провалившийся с своим вкусным блюдом.

-Ну, ну, сотник, скажите, вот кто господа умеет разбирать, внимание, тише! - закричали многие, готовясь услышать от него, чтонибудь забавное.

-Конечно, все названные вами женщины - лучшие из наших женщин в Софии, но красивее всех Кука... Вспомните, какая привлекательная у нее мордочка, какая девическая стройная фигурка, как она кокетливо, аккуратно и прилично одевается даже прическа у нее особенная, ведь ни одна же не догадалась оставить такую чолочку на лбу, а как это к ней идет!... А глаза, от одного ее внимательного взгляда начинают таять...

-Вот это правильно господин сотник определя, - выпалил вдруг муж этой самой Куки - Халпур, молча слушавший, как сотник расписывал его жену.

-Ха!ха!хаа! - раздалось в бараке - не выдержал бедняга, сорвался!...

Халпур видимо вспыхнул. Он вскочил на постели и громко отвечал насмешливо

-Конечно моя Кука самая красивая из всех красавиц!...

-Ладно, ладно, твоя Кука красивее всех, пусть она будет первая, успокойся - иронически заговорили кругом.

-Верно; хорошая баба у Халура, а за сколько бы ты уступил ее мне, чорт его бери. Если были бы, я не позавел и пятидесяти тысяч лев - поддутил Баглаш.

-О!...если бы наложили полный воз чистого золота и предложили за мов Кука, и то послал бы этого человека к мертвым предкам - горячо отвечал Халур.

В это время кто-то стал сильно стучаться в дверь.

-Кто это так поздно, опять наверно картежники с того барака к нашим на бой пришли; не открывайте им; пусть идут назад - заговорило сразу несколько человек.

-Из Софии мы!...послышалось снаружи.

-Ах, из Софии, зажгите там лампу! - засуетились крайние, открывая дверь.

-Мендэте!...

-Мендэ Арнашь, мендэ Барвус!...Ну, как там София, на месте? Работы на постройках еще не начались; как там наши живут; что нового?! - закидали вопросами вошедших. Станичники пришедших встали и начали для них разогревать бандер.

-Живут наши также, все в тех же вагонах, мерзнут, таскают уголь на станции, стражари бьют, арестовывают, да спасибо, там хорошие чиновники сидят, отпускают и даже уголь не отбирают, видят, что нельзя людям погибать; холодно в Софии... Жена Анкуша родила двух сыновей, а к утру они в вагонах замерзли, мать при смерти лежит, простудилась, а так больше ничего нового - грустно отвечал Арнашь, уписывая горячий кондер.

-Как же нового ничего?...новость есть - заговорил Барвус - жена Халура, Кука, ушла от него и выходит замуж за другого...

В бараке воцарилась неловкая тишина, перестали спрашивать, все, как-то сразу замолчали.

-Кхе, кхе!...провалялся Халур на своей постели, вставая и поспешно одеваясь.

-Вот тебе и воз золота!...бедняга Халур; как он ее любит и такая вещь! - заговорил Баглаш, когда Халур вышел из барака.

Никто не отозвался на это замечание.

»»»»»»»»»»»»

БУДДИЙСКИЙ ПРОПОВЕДНИК И БИРМЕН.
(Калмыцкое религиозное предание)

Однажды буддийский Проповедник с священник: сосудом в руках, подойдя к дверям одного дома, постучал своим жезлом. Хозяин дома, иноверец, угасно-злой, гордый Бирмен, выйдя на стук и, увидя перед собой Проповедника задал ему такой вопрос:

г -Что режет сильнее, чем самый острый кинжал; что более вредно для души человека, чем самый сильный яд; что сильнее жжет душу, чем самый сильный огонь; что темнее, чем самый темный ад?

-А, Бирмен, - ответил Проповедник, - нехорошее, грубое, злое слово режет сильнее острого кинжала; дурная мысль, заблуждение более вредны для души, чем самый сильный яд; вспыльчивый, злой человек сильнее жжет душу, чем самый сильный огонь; душа глупого, невежественного человека темнее самого темного ада.

-Что мягче пустоты; что так чисто и прекрасно, как „аршан“; что блаженно-прохладнее, чем тень сандалового дерева; что так прекрасно излучает свет, как солнце? - продолжал испытывать Бирмен.

-А, Бирмен, - отвечал П. - мягкое, нежное слово истины мягче пустоты; верующая душа чиста и прекрасна, как „аршан“; освобожденная от заблуждений душа блаженно-прохладна, как тень сандалового дерева; вобравший в себе учение и умеющий его передавать другим Лама, также излучает свет, как и солнце.